

ГРИГОРИЙ ЛЬВОВИЧ ТУЛЬЧИНСКИЙ

Родился 3 августа 1947 г. в Санкт-Петербурге (Ленинграде).

Окончил философский факультет Ленинградского государственного университета (1968–1974). Тема диплома «Проблема существования в символической логике».

Кандидат философских наук (1978 г., философский факультет ЛГУ). Тема диссертации «Логико-философский анализ семантики формализованных языков» (специальность – логика).

Доктор философских наук (1987 г., философский факультет ЛГУ). Тема диссертации «Нормативно-ценностная природа осмысления действительности» (специальность – философия).

1973–1975 гг. – преподаватель обществоведения в Ленинградском автотранспортном техникуме.

1975–1979 гг. – преподаватель логики и философии в ряде вузов Ленинграда.

С 1979 года ст. преподаватель, доцент, профессор кафедры управления (менеджмента и экономики) Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (Института, потом – Академии культуры) по предметам: культурология (теория и философия культуры), логика, технология менеджмента в сфере культуры, public relations.

Лекции, практикумы, деловые игры и др. занятия в вузах, коммерческих школах, семинарах, курсах и т.д. (Россия, Белоруссия, Грузия, Испания, Киргизия, США, Украина, Эстония) по философии культуры, личности и поступка, российскому и советскому духовному опыту, проблеме Санкт-Петербурга в российской культуре, технологии менеджмента в сфере культуры, public relations.

Сочинения:

- Проблема понимания в философии. – М.: Политиздат, 1985 (в соавт., переведена на испанский (Аргентина) и чешский в 1987 г.).

- Проблема осмысления действительности. – Л.: ЛГУ, 1986.

- Служба культуры. – Л.: Лениздат, 1988 (в соавт.).

- Разум, воля, успех. О философии поступка. – Л.: ЛГУ, 1990.

- Испытание именем, или Свобода и самозванство. – СПб.: Петрополь, 1994.

- Культура и власть. – СПб.: ИКП, 1994 (ред.).

- Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. – СПб.: РХГУ, 1996.

- Public relations. – СПб.: Изд-во СПб ГАК, 1994.

- Технология менеджмента в сфере культуры. – СПб.: Изд-во СПб ГАК, 1996.

- Менеджмент в сфере культуры. – СПб.: Лань, 2001.

- Начала философии: Методическое пособие. Программа и методические рекомендации. – СПб.: Изд-во Ивана Федорова, 2001 (в соавт.).

- PR фирмы: технология и эффективность. – СПб.: Алетейя, 2001.

- Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. (Российские исследования в гуманитарных науках. Том 16). The Edwin Mellen Press. Lewiston-Queenston-Lampeter. 2001.

- Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб.: Алетейя, 2002.

E-mail: toulch@gt1263.spb.edu

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР: РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И РЕЛИГИЯ

Сел за ноутбук набивать этот текст. Перед этим проверил электронную почту. Какое отношение эти плоды цивилизации имеют к религии? Думаю, что самое прямое. Цивилизационный прорыв, определяющий лицо современного мира, все его достижения, перспективы и проблемы, неспроста произошел именно в христианской Европе. Практически все основные идеи и открытия, необходимые для такого цивилизационного старта уже имелись в культурах Египта, Индии, Китая. Но прорыв произошел именно в Европе. Факторов, обусловивших это, великое множество, но есть главный, решающий. Это «встреча Афин и Иерусалима» – синтез двух великих идей: иудео-христианского монотеизма и греческой логики.

Действительно, сознание того, что мир сотворен единой волей по единому разумному замыслу, и что человеку даны интеллектуальные средства и способности постижения этого замысла, Логоса как рациональной идеи, мысли, закона мироздания – ключевой момент для понимания того, почему именно в лоне иудео-христианской традиции стало возможным возникновение научных методов, научно-технический прогресс. Сначала для оттачивания логического инструментария в теологических спорах, изощренного анализа и толкования священных текстов. Затем пришло осознание возможности вопрошать не только тексты, но и саму природу, пытаться ее (о-пытное знание). Неспроста возникновение науки, *scientia*, как опытного знания, и разгул инквизиции, охота на ведьм – процессы одновременные.

Важной промежуточной стадией стал деизм, согласно которому творец единовременно запустил мир, который в дальнейшем уже развивается сам по изначально установленным законам. Отсюда оставался уже только один шаг до отбрасывания «гипотезы Бога» и перехода к деятельности не только познавательной, но и преобразовательной. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: от грандиозных научно-технических достижений до экологических катастроф и нравственного человекобожеского самозванства.

Сутью современной цивилизации, с которой кое-кто связывает даже «конец истории», является идея рациональности в двух своих основных ипостасях. Во-первых, как «слово», которое «было вначале», которое «было у Бога», и которым «был Бог». То Слово, которое Логос в греческом оригинале «Евангелия от Иоанна». А Логос, по-гречески, это не только слово, но и мысль, и разум, и правило, и закон. Иначе говоря, Слово как разумное содержание мира, доступное человеческому познанию в силу и в меру разумности самого этого познания. И, во-вторых, это эффективное и целенаправленное действие, оказывающееся рациональным именно в силу достижения желаемого результата с оптимальными затратами средств. Можно по-разному идентифицировать эту цивилизацию – как фаустовскую, как протеевскую, как *Abendlandes* и т.д., но факт налицо – ее содержанием является именно идея рациональности во всех ее проявлениях и коннотациях от разумности до эффективности, иначе говоря, – слова и дела.

Обычно вклад рационализма и его главного детища, науки, в развитие цивилизации связывается с научно-техническим развитием. Действительно, лицо современной цивилизации, воплощающейся в производстве, сервисе, коммуникациях, бытовых условиях, здравоохранении и т.д. – определяется именно и прежде всего возможностями, предоставленными наукой и техникой. Однако, не менее важен, хотя, возможно, и менее очевиден, вклад идеи рациональности и науки в нравственную и даже политическую культуру. Этот вклад с самого начала воспринимался неоднозначно.

С одной стороны, очевиден вклад научной рациональности и ее сердцевины, логики, в становление и развитие идей либерализма, толерантности, справедливости¹. С другой – рационалистический активизм давно уже ставился под сомнение за тенденцию самозванного преобразовательного насилия. И круг этих сомневающийся постоянно рос – от гуманитариев и пацифистов до защитников окружающей среды. И критика велась как с позиций самой рациональности, так и извне ее. Примером может служить длительная традиция такой критики в рамках эстетики, восходящая к эпохе романтизма.

В постмодернизме эта критика приобрела более бескомпромиссный и даже апокалиптический характер: поскольку современность полностью выявила потенциал Просвещения, для постмодернистов весь жизненный мир оказывается подавленным рационализированной логикой, тем, что в постмодернизме получило название «логоцентризма», а то и «фаллологоцентризма» – завуалированной формы воли к власти, которая зажав нас в железные тиски рациональной эффективности, порождает различные формы насилия и подавления современной жизни и выступает главным источником террора и беспорядка в современном мире.

Показательно, что в дальнейшем, возникшая в лоне христианства, цивилизация распространилась и на другие культуры, связанные с другими религиями: исламскую, буддистскую, конфуцианскую, индуистскую, синтоистскую. Более того, эта многократная рецепция породила ряд нетривиальных цивилизационных альтернатив и перспектив, на которые и хотелось бы обратить внимание в данной работе. Дело в том, что некоторые из таких альтернатив и перспектив уже в ближайшее время потребуют достаточно внятную оценку, поскольку последствия их реализации выходят далеко за рамки материнской культуры.

Религиозная персонология: субъектные и бессубъектные культуры

Для начала хотелось бы обратить внимание на одно нетривиальное типологическое различие. Речь идет о различии, в зависимости от религиозно-мировоззренческого фактора и соответствующей религиозной ментальности, субъектных и бессубъектных культур².

В связи с этим особого внимания заслуживают некоторые идеи В.В.Можаровского, предложившего различать типы культур. К первым, субъектным, относятся западное христианство, православие и иудаизм. Ко вторым, бессубъектным, – ислам, индуизм, буддизм, конфуцианство и синтоизм.

Роль монотеизма в становлении европейской науки хорошо известна³. В.В.Можаровский подчеркивает, во-первых, роль именно «субъектных» конфессий не только

¹ См.: Тульчинский Г.Л. Логика, рациональность и свобода // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. – СПб., 2004. – С.126–129; Цивилизационная роль логики // Проблемы преподавания логики и дисциплин логического цикла. – Киев, 2004. – С.111–112; Наука и культура толерантности // Философская и правовая мысль. – Саратов; СПб., 2002. – Вып.3. – С.105–113; Логика, толерантность и насилие // Логика толерантности и права. – Екатеринбург, 2002. – С.18–24.

² Тема эта была заявлена в работах В.В.Можаровского. См. например: *Можаровский В.В.* Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб., 2002. – 272 с. Это очень противоречивый автор. С одной стороны – ряд нетривиальных соображений о ментальности и науке, семье... С другой, как только дело доходит до политики, соскальзывает в великодержавие, антисемитизм, антиглобализм. Чего стоят, например, рассуждения о том, что иудаизм и прочие нехристианские деноминации не нуждаются в территории, которая вторична по отношению к религии (это в иудаизме-то? – Г.Т.), а вот бедное православие нуждается именно в территориях (?? – Г.Т.). Или сопоставления на с.179 К.Маркса с Богом-отцом, Ф.Энгельса – с Духом, а В.Ленина с Сыном – мучеником и спасителем (?! – Г.Т.).

³ См., например, Тульчинский Г.Л. Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. – Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001.

в оформлении идеи субъекта познания. Особенно он выделяет значение идеи равносущной Троицы, обусловившей, по его мнению, идеи доступности для человека возможности постижения Божественного, сопричастности человека трансцендентному. Субъект христианского монотеизма выделен из космоса и противопоставлен природе, но способен к их познанию. Гносеологическое основание в вере в абсолютное трансцендентное начало, в сопричастности этому началу имеют не только наука и мораль, но и активизм европейской культуры, и их следствия, включая тотальное насилие, глобализацию, проблемы экологии.

Во-вторых, по мнению В.В.Можаровского, именно иудаизм и христианство ответственны за формирование такого феномена психики как бессознательное. С этой позиции фрейдизм – не наука и не некая технология овладения эффективными методами, трансформация комплекса запретов, сформулированных в Торе (Ветхом Завете). Речь идет о таких заповедях, как «чти отца своего», «не убий», «не прелюбодействуй», «не кради», «не лжесвидетельствуй», «не возжелай дома, жены ближнего». Любая культура формирует личность, определяет ее с помощью установления неких пределов, запретов, табу. Дело в том, что таких заповедей, как содержащиеся в Пятикнижии, нет в язычестве. Так же, впрочем, как нет и автономной от космоса души. В традиционных обществах прелюбодеяние, воровство, убийство и прочее – признаки удачливости и они не табуируются. Введение же ветхозаветных заповедей породило такие психические феномены как вытеснение либидозности, Эдипов комплекс. Иначе говоря, первобытное общество, язычество не знают бессознательного⁴.

Компенсацией за приобретения рациональности (наука и техника), укорененные в догматической сфере, и есть бессознательное – как иррациональный коррелят рационализма. «Как, например, все создания субъектной науки, все механизмы, произведенные техникой, являются неестественными и разрушаются в мире натуральных вещей, так и сам субъект, сам человек монотеизма, весьма неестественен и затрачивает огромные усилия для поддержания своего статуса в природном мире. Он находится в таком постоянном внутреннем напряжении, которое, возможно, не было присуще язычникам»⁵. Так, в Индии и Непале, например, нет проблемы сексуальных маньяков или суицида, составляющих целый пласт современной западной культуры. «Сама проблема бессознательного актуализируется лишь в то время, когда уже налично заявлено содержание догматического мышления, как и экономические проблемы возникают только в момент реального воплощения установок монотеизма через антропоцентрическую науку и технику, т.е. чем более активно и тотально постулирует себя догматическое мышление, тем более широко и осязательно проявляет себя его отрицательный иррациональный коррелят»⁶.

Различение культур в зависимости от их отношения к персонологии имеет далеко идущие последствия.

⁴ С этой точки зрения, юнгианство оказывается укорененным в протестантизме (см.: *Можаровский В.В. Критика...* – С.144), а творчество Ф.М.Достоевского – формулировкой православной идеи бессознательного (Там же. – С.148).

⁵ *Можаровский В.В.* Цит. соч. – С.148.

⁶ Там же.

Религия и собственность

Наиболее изучен конфессиональный фактор в экономической жизни. Достаточно, хотя бы, напомнить известную работу М.Вебера⁷ о протестантской этике как духовной предпосылке капитализации западного общества⁸.

Однако до сих пор некоторые факты и обстоятельства требуют более глубокого осмысления. Примером может служить отношение к собственности. В обществах с катафатической традицией, предполагающей возможность позитивного выражения Божественной сущности (западное христианство, иудаизм) собственность концентрируется и имеет тенденцию к росту. В антимонотеистических или атеистических обществах (Франция во время Великой революции, большевистская Россия, фашистская Германия) собственность отторгалась у ее владельцев и расплывалась. Разрушались все правовые нормы и правила, обеспечивающие ее накопление и преемственность. Анекдот, согласно которому единственное отличие американцев от русских состоит в том, что Бог американцам дал доллары, имеет под собой очень глубокое основание.

Отток, даже бегство капитала из России продолжается и продолжается. И дело не только в экономической конъюнктуре или некомпетентности политического руководства. Последнее как раз действует в рамках мировоззренческой парадигмы.

Ранее уже отмечалась роль общей апофатической ориентации в негативном отношении к собственности в российском духовном опыте⁹. Русское православие принадлежит восточно-христианской традиции, являясь, даже в его рамках, наиболее апофатической ветвью христианства¹⁰. Одним из следствий этой мировоззренческой установки является лишение реальности и жизни «в этом мире» позитивного ценностного значения. Ценностью является жизнь иная: в потустороннем мире, в светлом будущем, «за бугром». А жизнь «здесь и сейчас» – мое нравственное предуготовление, юдоль страдания, нравственного испытания. И чем больше я пострадаю в этом мире, тем больше мне воздастся в мире ином, в светлом будущем, за бугром. На этом ценностном комплексе очень многое основано в русской культуре. Можно даже говорить о своеобразном культе униженных и оскорбленных: от русских святых – невинных страдальцев до темы «маленького человека» в русской литературе, от народничества до самоуничтожения интеллигенции, когда высшим выражением торжества является способность перестрадать, пересилить беду.

Но если реальная жизнь в этом мире не обладает ценностью, то лишены особого смысла и ее проявления, то, что ее сопровождает и наполняет: здоровье, быт, труд. Православие не мобилизует человека к жизни в этом мире. Его нравственная сердцевина – культура высокой духовности как самоотречения и предуготовления к жизни иной. Жизнь в реальном мире – лишь переход, а человек – лишь путник на

⁷ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные философские произведения. – М., 1986.

⁸ Ранее было показано, что М.Вебером был описан частный случай более существенного фактора модернизации – кланового сознания. См. в: Тульчинский Г.Л. О М.Вебере, аскезе и организованной преступности (Коллективизм как необходимый фактор успешной модернизации) // Философия и цивилизация. – СПб.: СПбГУ, 1997. – С.160–163.

⁹ См.: Тульчинский Г.Л. Свобода и собственность // Русская философия собственности (XVIII–XXвв.). – СПб.: Ганза, 1993. – С.441–452. См. также Тульчинский Г.Л. Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. – Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001.

¹⁰ Апофатичность – невозможность позитивных характеристик Божественного, а значит и бытия. Эта черта резко отличает восточное христианство от западного. Православие не питает интереса даже к описанию потустороннего мира, в отличие, например, от протестантской культуры с ее повышенным интересом к загробному миру, что проявляется в стилистике назиданий (наивных в своем натурализме для православного человека), в искусстве: черти, ангелы, души, покойники – частые персонажи западного кино.

этой дороге страдания в мир иной. Следствием этого является не только духовное подвижничество, но и пренебрежение к своей и чужой жизни, охране труда, технике безопасности, к результатам своего и чужого труда¹¹.

Уход от реальности, ее отрицание в своем предельном выражении являют вневременной эсхатологией – установку на конец времени и последний (Страшный) суд над этим миром, торжество окончательной справедливости, перед которой все равны. А что может быть справедливее смерти, перед которой все равны? Отсюда постоянный российский спор с историей, отрицание конкретного времени во имя вечности, полное пренебрежение человеческой жизнью и особое российское смертобожие¹². Этот нравственный максимализм весьма цинично использовался в нашей истории в военных и экономических авантюрах, «стройках века» и т.п.

Воздаяние возможно только «после жизни». Человек оказывается не в состоянии своим трудом сделать свою жизнь и жизнь своих близких счастливее. «Птицы небесные не сеют и не жнут, но корм имеют» или, как сказал поэт, «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда...». Авва Дорофей писал, что «сам по себе труд суетен и не вменяется ни во что». В славянском язычестве нет культурного героя – персонажа вроде Прометея или Вайнемейнена, который научил ремеслу, земледелию. Никто из титульных русских поэтов не воспел труд. Если он и упоминается, то как что-то тяжкое и подневольное. Но все упреки в пьянстве, нечистоплотности, лень и т.п. бьют мимо цели. Не о том надо думать, а о душе! Не удел человеческий – думать о своем достатке: «Бог дал, Бог взял». От трудов праведных не наживешь палат каменных... От сумы да от тюрьмы не зарекайся... Дом русского крестьянина так разительно отличается от домов живущих в тех же климатических и природных условиях финна, шведа и прочего норвега, даже от хатки украинца.

Напряженный труд не может быть источником достатка, он всего лишь один из компонентов страдания в этой жизни. Ему противопоставляется творчество – единовременный акт богоподобного творения «вдруг», «из ничего», сродни чуду. Поэтому отрицание ценности этого мира и труда в нем сочетается со стремлением к богоподобию, а то и богоборческому творчеству. Спорить с Богом из-за слезинки ребенка (отвергая из-за этой слезинки и Бога, и мир), но пальцем о палец не ударить, чтобы вытереть эту слезинку – характерный сюжет российского духовного и исторического опыта.

Главной ценностью выступает нравственный герой – личность, живущая по правде («не по лжи») и готовая самоотверженно за эту правду пострадать. Более того, сам факт страдания – свидетельство твоей нравственности, не богооставленности, а даже избранности. На Руси никто просто так не страдает, а всегда за что-то и во имя чего-то, чаще всего – за справедливость. Это не хорошо и не плохо – это главная особенность российского (и советского) духовного опыта. С этим связаны и тема

¹¹ Статистика свидетельствует о массовом характере этой установки для российских мужчин 20–55 лет, т.е. трудоспособного и детородного возраста. Главная причина мужской смертности – не уровень жизни, а низкая ценность самой жизни, пренебрежение ею: самоубийство – 28,8%, несчастный случай – 25,2%, убийство – 7,8%, отравление алкоголем – 6,85, ДТП – 5,2%. Болезни (все!) составляют только 35,6% мужской смертности. В русской классической литературе выявилась и глубоко осмыслена характерная склонность к экспериментированию на грани гибели с включением себя самого в качестве главного действующего лица такого эксперимента. Такова жизнь не только персонажей, но и авторов: А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Н.В.Гоголь, А.Блок, С.Есенин, В.Маяковский, М.Цветаева, В.Высоцкий, Вен.Ерофеев...

¹² Достаточно вспомнить, что в самом центре столицы, собирательницы земель русских, на самой главной площади – кладбище, центром которого является непогребенный труп, а над этим трупом выстроена трибуна, с которой вожди приветствуют толпы людей, радостно идущих по этому капищу.

униженных и оскорбленных, с которой великая русская литература вошла в мировую, и специфика святости. Почти все русские православные святые – от Бориса и Глеба до Николая Романова – страдалцы, принявшие смерть безвинную, мученическую и принявшие ее безропотно.

Не обладает ценностью и то, что регулирует отношения в этом мире: свобода, достоинство личности, собственность, право, как их гарант («праведнику закон не лежит»). В Православии, как известно, Благодать выше Закона. «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься». Главное – чтобы человек был хороший. Идеи права и свободы либо высмеиваются, либо отвергаются как проявление мещанства, филистерства, буржуазности, а то и как проявление слабой воли. Законами мало кто интересуется, Конституцию мало кто вообще читает и знает. Хотя бы потому, что опыт показывает – «закон что дышло – куда повернул, туда и вышло». Идея правового государства декларируется, но в сознании властей, как и граждан, просто не укладывается идея о подчинении власти закону – власть на то и власть, чтобы принимать свой закон. «Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак». Закон, как писал К.Аксаков – «немецкий фокус», западное изобретение. Им иногда можно пользоваться, а иногда переступать – применительно к целесообразности и возможностям, силе – не закона, а просто силе. Пренебрежение к закону до сих пор демонстрируется на всех уровнях общества. Демонстративен произвол не только власти. Интеллигенция находит оправдание сначала индивидуальному террору, а затем – массовому. Пренебрежение к собственности (чужой и государственной) от государственного чиновника до крестьянских «грабиджек» и рядового «несуна» с родного производства.

И бесполезно спорить – то ли образ жизни породил отношение к ней, то ли отношение определяет и воспроизводит сценарий жизни. Они уже сплелись и переплелись, воспроизводясь в бесконечной череде поколений.

Поэтому вряд ли стоит удивляться факту, что наиболее трудно модернизация стран Восточной Европы идет именно в обществах с православной традицией. А Россия – так та вообще 200 лет не может пройти эпоху первоначального накопления. В Западном мире, Восточной Азии собственность и собственники формировались из поколения в поколение. Поэтому они не оспариваются и не ставятся под сомнение – ни в правовом, ни в нравственном плане. В России же первоначальное накопление происходило и происходит исторически мгновенно, на глазах одного поколения. Только за одно XX столетие собственники радикально менялись пять раз: во времена Великой реформы и последовавшей капиталистической модернизации, не принятой обществом; в периоды послереволюционной национализации; НЭПа, коллективизации, «великого перелома» и приватизации 1990-х.

Поэтому собственники и собственность постоянно оспариваются. «Какое оно твое? Я ведь знаю, что оно было не твоим, а общим или ничьим, а значит и моим. А как же я?». Вся собственность на Руси, как говорил В.В.Розанов, – от того, что либо ограбил, либо выпросил в подарок. Какая может быть благотворительность и благодарность за нее. Нахватали! Делиться надо! На этом было замешано неприятие крестьянством, аристократией и интеллигенцией «лопахиных». В этом сознании коренилась всенародная поддержка раскулачивания и экспроприация собственности эшманов. Эти же «гроздь гнева» вызревают и в наши дни.

Это не просто зависть, не просто любимая национальная забава «распни богатенького». Это расплата за исторический и нравственный опыт, за особенности нашей экономической и политической истории. Как ни трудился русский крестьянин

на земле – хозяином этой земли он толком никогда не был, да и плодами труда не всегда сполна пользовался. То ли очередной неурожай, то ли засуха, то ли заморозки, то ли очередной князь с дружиной наедут и все добро выгребут, а дом разорят. И останется только – идти на большую дорогу: кому-то с котомкой за плечами, а кому-то с кистенем. К хозяйству, к собственности русский человек душой прикипеть особенно не успевал и не успевает. Это ж представить невозможно: ежели наступит светлое капиталистическое завтра, нельзя будет взять корзинку и отправиться за грибами-ягодами или на рыбалку – куда хочу, потому как либо это будут чьи-то владения, либо лицензию покупать надо. Да и какая такая собственность, когда все вокруг Божье? А значит ничье. А значит и мое тоже. Какое оно и откуда – твое?

Не православное это дело – рыночная экономика с ее «ты мне, я – тебе», как ее порождения вроде демократии или PR. Имидж строить – личину одевать? Лицемерить? Как сказал классик, перефразируя поговорку: «Полюбите нас грязненькими, чистенькими-то каждый полюбит!» И вот уже появились новые русские слова: «дерьмократы», пиар. И глаголы: пропиарить, упиарились, запиарились... Причем, как и подавляющее большинство русской лексики – сразу оценочно нагруженными. Девица – красная, молодец – добрый, облако – чистое, солнце – лучистое, пиар – черный.

Еще раз подчеркну, что отмеченная специфика нашего духовного опыта не хороша и не плоха – она просто вот такая. В ней заложен колоссальный потенциал. Например, приоритет творчества – богоподобного акта создания чего-то нового почти из ничего, усилием воли. С этим связана и особая смекалка – голь на выдумку хитра. А неприхотливость и долготерпеливость!? А самоотверженность в критических ситуациях!? Разве это не золотой фонд любого российского реформатора!? Может, над нами и экспериментируют столь бездарно все кому не лень, потому как неверно оценивается главное наше богатство – не столько природные ресурсы, сколько люди – неприхотливые и терпеливые, образованные, оказавшиеся мудрее своих правителей, поражающие весь мир долготерпением и уникальной способностью к самообеспечению и выживанию.

Проблема свободы и постчеловечность

Еще более глубоко и существенно проявление религиозных корней современной цивилизации, поставившее под сомнение рациональность как таковую, и имеющее далеко идущие последствия не только для науки, технологий, но и морали, вплоть до неоднозначных представлений о перспективах самой человеческой цивилизации. Речь идет о рациональных биотехнологиях, вызвавших бурную дискуссию этиков, теологов, политиков, выплеснувшуюся в СМИ и ставшую уже фактором актуальной политической жизни.

Современный человек получил широчайшие возможности изменения своей природы. Урбанизированная техногенная цивилизация вызывает утрату телесной органичности и порождает такие эрзацы телесной практики как спорт, зарядка, фитнес, джоггинг, бодибилдинг и т.д. Получили распространение пластические операции по совершенствованию и изменению лица, тела. Соответствующие клиники оказывают услуги по увеличению, уменьшению или изменению формы груди, коррекции носа и ушей, стоп – вплоть до компьютерного моделирования и соответствующей коррекции контура тела. Бытийность человеческой телесности, формы ее существования становятся поливариантными. Дело дошло до фаллопластики – не просто украшения, пирсинга и татуировки гениталий, а их серьезной

трансформации¹³. Практика пластических операций, практика смены пола – как в результате хирургических операций, так и посредством игры в иные личности и жизни в виртуальной реальности, превращают тело в некий скафандр, а то и аналог одежды, который можно менять.

Во времена Платона еще можно было понимать человека как бесперое двуногое с мягкой мочкой уха и плоскими ногтями. Но что есть человек сейчас? Возможные ответы все более утрачивают шансы на однозначность. Если исходить из происхождения, то оно становится все более многовариантным: человек может быть зачат, выношен и рожден уже не только обычным «натуральным» образом, но и возникнуть из пробирки, быть выношенным и рожденным суррогатной матерью, а теперь даже и мужчиной. Разработаны генные технологии, позволяющие гомосексуальным парам иметь собственных детей: создавать «мужскую» яйцеклетку и оплодотворять ее сперматозоидами другого мужчины. Потребуется только донорская женская яйцеклетка, в которой будет заменено ядро и суррогатная мать, чтобы выносить ребенка. Для женских гомосексуальных пар подобное зачатие осуществить еще проще. Технология эта сложна и дорога, но она уже реальна. Более того, Институтом репродуктивной медицины и генетики (Лос-Анджелес) разработана искусственная сперма, которая стимулирует яйцеклетку воспроизводить свои собственные хромосомы, в результате чего образуется полный набор хромосом, необходимый для начала деления. Правда и в этом случае все дети, зачатые таким образом, могут быть только девочками.

Биотехнологии позволяют определять пол зародыша на ранних стадиях, а значит и, фактически, влиять на демографию. Разработаны методы создания условий для появления на свет детей с определенными генетическими характеристиками. И хотя со временем эти методики могут стать дешевле и доступнее, долгое время они будут доступны только очень обеспеченным людям. Тем самым создаются предпосылки закрепления разрывов в социальном статусе на генетическом уровне.

Возможности генной инженерии, банки спермы и яйцеклеток, клонирование порождают все большую неоднозначность относительно конечности человеческого существования, массу *этических и религиозных проблем*. Перспектива применения клонирования к человеку вызвала столь бурную дискуссию, что в дополнительном протоколе к принятой Парламентской Ассамблеей Совета Европы Конвенции о правах человека и биомедицине записано: запретить всякое вмешательство, преследующее цель создать человеческую особь, идентичную другой, живой или мертвой.

Большинство ведущих религиозных конфессий однозначно выступило против клонирования на том основании, что в данном случае человек претендует на роль Творца. Так, в принятой недавно «Социальной концепции Русской православной церкви» говорится, что «замысел клонирования является несомненным вызовом

¹³ За меатотомией – надрезом, увеличивающим устье уретры с целью проникновения в него, увеличивающего остроту ощущения во время петтинга, последовала еще более радикальная трансформация пениса – почти полное разрезание его по всей длине, делающее доступной тактильному воздействию внутренней поверхности уретры. Подобное продольное вскрытие пениса увеличивает его видимую толщину, его сечение изменяется, контакт с женскими гениталиями происходит совсем по-другому (внутренняя поверхность женского тела вступает в контакт с внутренней поверхностью тела мужского), а партнерша воспринимает видоизмененный пенис как более сексуальный. За такой операцией обычно следует следующая – создание дополнительных отверстий для уринации. Некоторые приверженцы этой практики не останавливаются на продольном разрезе полового члена и дополняют ее полным распловиниванием головки пениса. В результате, помимо прочего, радикально меняется мотивация полового акта – его целью изначально становится не извержение семени мужчины в женское лоно, а исключительно обоюдный оргазм.

самой природе человека, заложенному в нем образу Божию, неотъемлемой частью которого являются свобода и уникальность личности... Вместе с тем клонирование изолированных клеток и тканей организма не является посягательством на достоинство личности и в ряде случаев оказывается полезным в биологической и медицинской практике...». В этом позиция РПЦ совпадает с мнением большинства медиков, видящих в клонировании одно из решений проблем трансплантации, зашедшей в тупик из-за того, что больных много, а органов мало. Поэтому выращивание необходимых для трансплантации органов с помощью технологии клонирования из клеток самих больных – радикальное решение столь острой проблемы. Более жестко относится РПЦ к практике донорства половых клеток: «Если муж или жена не способны к зачатию ребенка, а терапевтические и хирургические методы лечения бесплодия не помогают супругам, им следует со смирением принять свое бесчадие как особое жизненное призвание... К допустимым средствам медицинской помощи может быть отнесено искусственное оплодотворение половыми клетками мужа, поскольку оно не нарушает целостности брачного союза... Манипуляции же, связанные с донорством половых клеток, нарушают целостность личности и исключительность брачных отношений, допуская вторжение в них третьей стороны...».

В иудаизме активное обсуждение учеными, врачами и раввинами религиозных проблем, порожденных перспективой клонирования человека, привело к выработке следующих общих принципов: «Технология клонирования человека не представляет собой угрозы вере в Единого Бога, Творца всего сущего. Клонирование никак не изменяет человеческие моральные ценности. Оно может применяться исключительно в благих целях, соответствующих моральным ценностям монотеизма. Человечество должно поддерживать существующее общественное устройство, сохраняя его основу – семью с ясно определенными, природными отцом и матерью. Клонирование может использоваться для рождения ребенка, только если естественная супружеская пара не способна осуществить деторождение иным способом». В этом случае, однако, возникают трудноразрешимые религиозно-этические проблемы. Вот лишь несколько таких головоломок и их решений, предложенных толкователями Талмуда.

Будет ли клонированный человек иметь статус человека? А значит, будет ли на него распространяться запрет на его убийство? Или продукт клонирования будет иметь статус «голема» – искусственного человека, сделанного из глины и одушевленного магическим образом и которого, поскольку он не человек, можно убивать? Ответ отрицательный: голем создается искусственным путем, а клонированный человек рождается, как и все люди, из чрева матери. Значит, он имеет статус человека и на него распространяется запрет на убийство.

Является ли клонирование исполнением божественной заповеди «плодитесь и размножайтесь»? Здесь мнения раввинов расходятся. Некоторые считают, что заповедь относится только к гетеросексуальным парам, вступающим в законный брак и размножающимся естественным образом. Другие полагают, что заповедь относится к результату, а не к способу зачатия.

Кто считается отцом клонированного ребенка? Согласно Галахе – своду еврейского религиозного права – отцом считается тот, чья сперма оплодотворила женщину, даже в том случае, если он является платным, добровольным или анонимным донором. Однако, в Галахе ничего не говорится о донорстве не семени, а генетического материала вообще – ядра клетки. В решении этой проблемы возможны два варианта.

Первый – если мужской ген для оплодотворения яйцеклетки взят из собственных клеток матери. Тогда отцом ребенка является его... дедушка со стороны матери, который «дал» ему мужскую генетическую информацию. Но он не давал свое семя и потому отцом не считается. С другой стороны, отцом такого ребенка является его собственная мать, потому что лишь она принимала участие в оплодотворении. Но Галаха не позволяет женщине быть отцом, как и в случае усыновления детей лесбийскими парами. Поэтому ребенок будет официально считаться как дитя неизвестного отца. Такой человек в еврейской общине не может вступить в брак из-за опасности возможного кровосмешения. Но на клонированного такое ограничение не будет распространяться, поскольку известно, чью мужскую генетическую информацию он несет.

Второй – если донорская клетка с мужским геном получена замужней женщиной от другого мужчины. Тогда возникает подозрение в невольном адюльтере и угроза появления незаконнорожденного ребенка. Правда, в этом случае процесс оплодотворения происходит путем не полового акта, а отцовство не определяется донорством генетического материала. Но тогда возникает другой сложный вопрос: является ли в таком случае отцом ребенка законный муж женщины, если именно он дал ей для оплодотворения свой генетический материал?

Не менее острые дискуссии вызвала технология выращивания эмбрионов примерно до 14-дневного возраста, чтобы затем получать из них стволовые клетки, из которых уже можно выращивать любой орган и живую ткань – костную, мышечную и т.д. Подобное «терапевтическое клонирование» открывает невиданные ранее перспективы трансплантологии, лечения до сих пор неизлечимых болезней.

Использование стволовых клеток используется для лечения болезней Паркинсона и Альцгеймера, всех видов онкологических заболеваний, рассеянного склероза, дефектов костей и суставов, для комплексного омолаживания организма. В газете «КоммерсантЪ» периодически появляются на правах рекламы сообщения об использовании этой технологии крупными политиками, звездами эстрады и другими состоятельными людьми. Сообщается о некоем московском ученом, в возрасте 20 лет испытывавшем на себе эту технологию и вот уже более 10 лет сохраняющем внешние, физические и психические качества 20-летнего молодого человека.

Дискуссия об использовании стволовых клеток приобрела колоссальный резонанс – в нее вмешалась даже Римская католическая церковь и лично ее глава, объявивший морально неприемлемыми любые манипуляции с живыми человеческими эмбрионами. А прошедшие в США дискуссии о создании эмбрионов для научных исследований, подвигли администрацию Дж.Буша-младшего к отказу от финансирования таких исследований.

Главное возражение противников этой практики имеет чисто этический характер: речь идет о бесчеловечном манипулировании с людьми, фактически – убийстве. Проблема чисто персоналогическая – являются ли используемые эмбрионы личностями, распространяются ли на них этические и правовые нормы? При этом аргументы противников клонирования логически противоречивы: запрет доращивать клонированные эмбрионы до рождения предполагает их тождественность человеку-донору, а запрет использовать их как биоматериал – их индивидуальность и самоценность. Это опять-таки подчеркивает персоналогический характер проблемы.

А как относиться к тому факту, что в мире ежегодно отправляются на помойку десятки (если не сотни) тысяч живых человеческих эмбрионов, являвшихся материалом лечения некоторых форм бесплодия? При искусственном оплодотворении из некоторого количества оплодотворенных яйцеклеток, значительная часть которых начинает успешно развиваться, отбирается только одна, которая и

отправляется в лоно счастливой пациентки, а остальные, невидимые простым глазом скопления – в лучшем случае в сосуд с жидким азотом. Что это? Или кто это? Отходы лечения? Вторичный «биоматериал», который можно использовать для спасения других жизней? Если это уже кто-то, то они – жертвы бесчеловечных технологий. Не случайно всего огромного авторитета Папы не хватило для того, чтобы остановить публичное обсуждение «терапевтического клонирования» даже в традиционно католической Италии.

На этом фоне в политическую проблему превратился аборт. То, что еще в середине XX в. рассматривалось как свободное волеизъявление потенциальной матери, превратилось в человекоубийство, квалификация которого оказалась связанной с вопросом – на какой стадии (недель или даже дней) развития плода он может считаться человеческим индивидом.

Человечество остро нуждается в выработке общих оснований решения этих проблем. Такое решение уже не может быть делом каждого общества в отдельности. Так в России до сих пор нет законодательного запрета на клонирование. А это означает возможность ввоза в Россию оплодотворенных яйцеклеток для выращивания клонированных людей. В некоторых странах запрещено выращивать плод с помощью суррогатной матери, а в России можно. Более того, найти суррогатную мать в России – не проблема, в том числе и для ребенка-клона.

Упомянутые нравственные, правовые и религиозные проблемы относятся к разнообразию ответов на вопрос о природе личности в контексте современных медицинских и генных технологий. Рождение и воспитание ребенка является одним из высших проявлений человеческой свободы и ответственности. Но современная генная инженерия, успехи медицины не просто породили биоэтику, но создают совершенно немыслимые ранее нравственные, правовые и религиозные казусы.

Молодая вдова договаривается с врачами о сохранении спермы погибшего мужа и вынашивает ребенка, отцом которого является покойник. Имела ли она право на беременность без согласия или выявленного желания на то отца ребенка? Не нарушила ли она клятву, данную перед алтарем, – быть со своим избранником до самого конца жизни? Или еще... Родители, выполняя предсмертную просьбу неизлечимо больной дочери, желавшей иметь ребенка, сохраняют ее яйцеклетку, оплодотворяют ее донорской спермой (донор был выбран их дочерью по базе данных в банке спермы), находят суррогатную мать, которая вынашивает и передает им ребенка. Кто мать этого ребенка? Покойница? Выносившая и родившая женщина? Бабушка? Кто ответствен за его рождение?

Новые технологии по-новому поворачивают и проблему смерти. Так погребение на основе высушивания замораживанием, когда тело усопшего помещают под большим давлением в жидкий азот, в результате чего от тела остается 20–30 кг порошка бежевого цвета, оказывается не только более экологичным, но порождает этико-мировоззренческие проблемы. В порошке сохраняются молекулы, из которых состояло тело. Поэтому, с одной стороны, почти буквально возрождается проблема метемпсихоза. С другой, по мнению разработчиков технологии, глядя на куст сирени или шиповника, а то и на герань, которые раньше были его близкими, человек с большим уважением будет относиться к природе и более спокойно – к смерти.

А оправдано ли и в какой степени лечение генной коррекцией? В каком смысле человек останется человеком, если поменяет свою генетическую идентичность, включив в свой геном часть генома крыс для повышения устойчивости к неблагоприятной экологии? Или часть генома свиней, что откроет широкий дополнительный ресурс трансплантологии. Или – часть генома растений для более эффективной утилизации солнечного излучения?

Как, на фоне всеобщего движения за поддержку прав инвалидов, расценивать заявления ряда ассоциаций слепых и глухих, в которых они протестуют против планов разработки геномных методов лечения их недостатков, поскольку это грозит гибелью их особым субкультурам, аккумулирующих специфический опыт и ценности, недоступные «нормальному» миру? И как быть с нередкими обращениями к врачам родителей-инвалидов, например, когда и отец, и мать – слепые, помочь им «скорректировать» развитие плода, чтобы их ребенок родился тоже слепым. Как написано в одном из таких заявлений: «Мы не хотим, чтобы он был одним из вас. Мы хотим, чтобы он был одним из нас, остался в нашей семье, в нашем сообществе. В нашем мире, о котором вы ничего не знаете, не хуже, чем в вашем»¹⁴.

Возникли и менее экзотические, но не менее острые проблемы. Например, появление группы общедоступных лекарств, позволяющих корректировать поведение, вызвали неоднозначную ситуацию в педагогике и семейном воспитании. Например, если ребенок импульсивен, не может долго задерживать внимание, не слушает, когда к нему обращаются, испытывает трудности при выполнении заданий, требующих внимания и интеллектуальных усилий, легко отвлекается, то ему может быть поставлен диагноз – синдром недостатка внимания и гиперактивности, и назначено лечение риталином, который «нормализует» поведение. В ряде американских школ это лекарство потребляют до 10% школьников. Противники все расширяющегося потребления риталина обращают внимание на том, что рост потребления препарата связан со стремлением снять с себя ответственность. Школьник освобождается от ответственности за свое безобразное поведение: его надо не воспитывать, развивая самодисциплину, а просто дать ему лекарство. Родители освобождаются от ответственности за плохое воспитание своего чада, просто за то, что запустили ребенка. Виноваты не они, а какая-то патология и исправлять поведение они должны, не уделяя ребенку больше внимания и заботы, а оплачивая лекарство и визиты к врачу. Ну и само собой, учителя освобождаются от ответственности за неспособность привлечь внимание или призвать к порядку шалуна: риталин в их сознании занимает место педагогического таланта и опыта.

Во всех приведенных примерах существо проблем, порожденных ими – не просто этическое. Речь идет границах личности, которые в европейской традиции совпадают с границами свободы и ответственности, возможностью проявления свободы воли, самосознания, разума.

Границы личности как границы свободы и ответственности

Наиболее важным проявлением человеческой сущности в европейской философии является личностное начало и его главная составляющая – самосознание – наиболее, пожалуй, трудно постижимый феномен. Будучи условием любого познания, оно проявляется только тогда, когда познание направлено не на него, и «исчезает», как только познание направляется непосредственно на него самого. В этом оно подобно «слепому пятну» в глазе, которое, будучи условием зрения, само невидимо. И главной проблемой оказывается внепространственное вневременное начало самосознания, лежащее вне познаваемого мира, возможно, даже ему предшествующее. Речь идет о свободе, внебытийном и добытийном начале бытия, о свободе, проявляющейся только в человеке и через человека, и носителем которой является субъект самосознания.

Человеческая сущность и есть свобода, вечно ждущая за порогом человеческой определенности мира. Самосознание «Я» внеприродно и внефизично именно потому, что есть чувствилище свободы. Именно в этой связи мы оказываемся перед

¹⁴ Эти и другие примеры см.: *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. – М., 2001

проблемой духовности, которая отнюдь не сводится к вопросам конфессиональным вроде соотношения традиционного православия и новых форм религиозности.

Тогда границы личности совпадают с зоной ее свободы и ответственности. Если я свободно принимаю решение, значит только я и ответствен за последствия. И наоборот, я отвечаю только за то и там, где я свободен. Причем эти границы подвижны, зависят от возраста и психического здоровья личности. Несовершеннолетний (а в каждой культуре свои правовые границы совершеннолетия) или психически больной (невменяемый) человек в эти границы не попадает, так как не отвечает за свои действия в силу недостаточности интеллектуального и нравственного развития или в силу болезненного состояния. За этими границами человек не является личностью, так как невменяем (ребенок, маразматик, психически больной и т.п.).

Более того, границы личности зависят, прежде всего, от особенностей культуры, к которой принадлежит личность, и которая собственно и определяет границы личности. До позднего Средневековья к ответственности привлекались не только отдельные люди, но и общности людей. Кровная месть могла быть распространена на весь род. В XVI в. на Руси Иван Грозный, наказывая боярина, распространял вину не только на весь его род, но и на дворню, крепостных. Вырезались и сжигались целые деревни. В истории известны преследования иноверцев и целых народов. Широко известны средневековые процессы над детьми и даже над домашними животными: котами, собаками, свиньями, печально заканчивавшиеся для «обвиняемых». Еще в 1593 г. был сечен кнутом и сослан в Сибирь церковный колокол, которым били в набат в связи с убийством царевича Димитрия в Угличе. Мирозрительной почвой для всех этих преследований выступало одушевление природы, стремление человека во всех явлениях окружающего мира видеть действие намеренных сознательных сил – добрых или злых. Любое явление рассматривалось как «поступок».

Можно сказать, что мир древнего человека, включая и космос, был миром личностным, миром поступков. До сих пор сохранились рецидивы коллективной ответственности: от классовой, национальной и прочих форм поисков «врагов народа» до «юридических лиц» типа фирм, трудовых коллективов, общественных организаций. Определенный круг ответственности в рамках гражданского законодательства возлагается и на семью.

Можно говорить об общеисторической тенденции «привязывания» границ поступка и ответственности за него к границам личности, о постепенном сужении этих границ – как правовых, так и нравственных. Ответом на вопрос, «чье» сознание, может быть указание какого-то пункта духовного целого, относительно места, позиции личности в мире. В этом плане человек вторичен от своей «доли», от своей свободной (ответственной) включенности в мир. Поэтому-то не личность формирует ответственность, а наоборот – ответственность формирует личность. И упомянутая историческая тенденция очевидна – это сужение границ Я, границ личности как вменяемого, свободного и ответственного субъекта от племени, общины, рода до психосоматической целостности индивида и к определенным этапам его жизненного пути (например, от 18 лет до наступления старческого маразма). Человек проделал путь от целостности мифа, сливающего человека в неразличимый синтез с природой, обществом, к этносу, роду, классу и, наконец – к личности. От безличного человека к индивидуальной личности. И в настоящее время в цивилизованном обществе нравственно-правовые границы личности как субъекта поступка и ответственности за него, практически совпадают с границами биологическими – психотелесной целостности индивида, буквально – с кожно-волосным покровом тела.

Но разве тенденция сужения границ вменяемости и личности не может быть продолжена? В чем тогда выразится сужение границ человеческого Я? Действительно ли индивид неделим? Современный человек имеет множество Я: в социальных ролях, в своих движениях души, фантазиях, во сне и т.д. Распавшаяся на иногда конфликтующие ипостаси личность – типичный образ современного искусства. Человек и ответственность перерастают и взламывают традиционные границы личности, которые совпадают с границами ответственности. И кто сказал, что процесс сужения границ ответственности (а значит – и личности) не может пойти вглубь? К ответственности составляющих и образующих индивидуальную личность частей? Вглубь телесности индивида? Или личность – феномен только нашего времени? Ее не было. Она есть. Но ее может не быть. Ничто не мешает предположить, что сужение конуса Я, свободы и ответственности может быть продолжено уходом вглубь тела под кожно-волосную покров в стремлении к некоей точке с возможным последующим расхождением «по ту сторону точки» в некоем новом запредельном расширении.

Где и когда начинается Я? Где и когда – личность? К концу XX столетия эти вопросы звучат весьма нетривиально. Психологи и даже педагоги говорят о пренатальной (внутриутробной) стадии развития личности. Родителям в пору как в «Стране водяных» Акутагавы испрашивать у не родившегося плода согласия на его рождение. Небывалой (до политических столкновений) остроты достиг вопрос об абортах, трактуемых не как прерывание физиологического процесса – беременности, а как человекоубийство в полном смысле слова со всеми вытекающими нравственными и правовыми последствиями. Поневоле начинаешь вспоминать соратницу В.И.Ленина О.Лепешинскую, ставшую в советское время известным биологом и занимавшуюся воспитанием зиготы. Вообще, складывается впечатление, что еще немного и можно будет говорить о презиготной стадии развития личности.

Об этой же тенденции свидетельствует и обостренный интерес в конце XX столетия к так называемой «трансперсональной (т.е. внеличностной) психологии», духовным практикам в духе Карлоса Кастанеды, интегральной йоги Ауробиндо и т.п. Общим для всех них является поиск органической связи человека с бесконечным полем сознания (универсальным разумом или космическим сознанием), т.е. выходом конкретной личности за рамки пространственно-временных и причинно-следственных границ.

В этом вновь расширяющемся конусе субстанция свободы и ответственности становится виртуальной, подобно иррациональным числам становится трудно-доступной здравому смыслу и обыденной практике, а ее идентификация требует специального интеллектуального усилия. Вменяемое «Я» становится «точкой сборки» свободы и ответственности самосознающего Я, которое не столько отделено от бытия, сколько вплетено в его ткань в качестве странника по стихиям бытия. Оно подобно пучку, нитей, вплетающихся в ткани бытия, прорастающих в нем, образуя неповторимый узор – то ли войлок, то ли ковер. В античной мифологии богини судьбы – Мойры – именно этим и занимались. Или, может быть, Я подобно волновой функции? Можно предложить и другую, более современную математическую метафору, если уподобить Я – всюду негладкой (немонотонной, «ёжистой») функции вроде функции Дирихле.

Но тогда – что есть в этой ситуации свобода и ответственность? Их границы утрачивают ясность и четкость, которую они приобрели в Новое и Новейшее время. Границы свободы=ответственности в XIX–XX вв. есть границы собственности личности, буквально – ее доли (куска, объема) бытия. Но в XX–XXI вв. свобода приобретает вид то ли волны, то ли пучка – и где тогда ее границы? Она везде, где

точка Я, осознающего свою ответственность. И тогда, похоже, что Я как точка сборки ответственности, как волновая функция свободы, как странник в возможных мирах и есть источник грядущих метаморфоз и открытий нравственности и права.

Свобода как продукт вменения ответственности

Но все эти духовные приключения – результат развертывания христологии – сердцевины христианства, выраженной в новозаветных текстах. Идея свободы как ответственности, будучи укорененной в христианской культуре, привела к своеобразному оборачиванию метода.

Какова природа свободы? Как формируется ее осознание, знание о ней? То, что проблема свободы непосредственным образом связана с проблемой сознания и осознания, уже отмечалось в самом начале данной работы. Так же, как и отмечались основные решения проблемы сознания (религиозное, эволюционное и т.д.), которые вряд ли можно признать дающими ясные и общепринятые ответы на вопрос о причинах и факторах возникновения самосознания.

Не претендуя на однозначность и полноту, можно предложить конструктивное решение. Думается, что ниточкой, позволяющей распутать весь клубок, является проблема ответственности.

Ответственность – оборотная сторона свободы. Есть ситуация свободы и есть ситуация воли. В ситуации свободы я свободен там, где я принимаю решения, а значит, только я за них отвечаю. Границы свободы и ответственности одни и те же. Я ответственен только там и за то, где я принимаю решения, а не выполняю чей-то приказ. В последнем случае и ответственность с меня снимается. Таким образом, как я могу стать свободней? Только расширив сферу своей свободы-ответственности. Только отнесясь к другим, как к таким же свободным субъектам, соотнеся их интересы со своими, переплеть их, найдя общность интересов. В ситуации свободы социальное пространство всюду плотно структурировано взаимосвободными (взаимоответственными) отношениями. Если это перенести в рыночную терминологию, то становится очевидно: свободное общество потому и богатеет, что это общество взаимного удовлетворения взаимного спроса.

Ситуацию свободы не стоит путать с ситуацией воли. Это когда у меня есть идея. Интересы других меня напрочь не интересуют: идея хороша настолько, что оправдывает любые средства (очень российский сюжет!). Социальное пространство не структурировано взаимной ответственностью. В нем носятся неведомо откуда явившиеся личности со своими идеями, наталкиваются, отскакивают друг от друга до тех пор, пока не появится некто, который встряхнет всех и выстроит по административно-властному ранжиру.

Таким образом, границы свободы совпадают с границами ответственности. Там, где я свободен, там только я и ответственен за принятые мною свободно решения и за последствия их реализации. С другой стороны, я могу отвечать только за то и там, где я принимал решения сам.

А.Шютцем в свое время было предложено различие «ответственности перед» и «ответственности за», или, другими словами, различие объективного и субъективного планов ответственности¹⁵. С нашей точки зрения, такое различие оказывается несущественным. Будучи вмененной и принятой, ответственность обеспечивает «склейку» перекрученной ленты Мебиуса сознания, образуя единый план «за-перед». Этот единый онтологический план желаемого должного и сущего и позволяет развернуться онтологическому импульсу «Да будет!».

¹⁵ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. – М., 2003. – С.311–313.

Именно ответственность определяет границы личности как границы вменяемого субъекта. Более того, была отмечена историческая тенденция сужения этих границ от природного мира к социальной общности (племя, род, семья), далее – к биологическому индивиду, с явным стремлением еще большего сужения до «точки сборки свободы».

Вне свободной (вменяемой) личности рушится система морали и права. Но откуда она может взяться, если вся система воспитания «грузит» нас нормами, образцами, канонами!? Да, грузит – вплоть до самой свободы.

Тогда получается, что свобода – результат вменения личности ответственности. Воспитание – не только убеждение и принуждение, но и создание условий для самоопределения.

Ярким примером является проблема смертной казни – высшей меры ответственности. Правом предполагается именно ответственность за свободный выбор – предполагается, что человек мог поступить так, а мог иначе, и это был его выбор. У одной и той же причины могло быть, как минимум, два следствия. Иначе говоря, высшая мера покоится на постулировании свободы воли личности как вменяемого субъекта. Но этот правовой постулат находится в явном противоречии с наукой.

Если человек – естественное существо, то он состоит в сети причинно-следственных связей, включен в них. И тогда его «ответственность» за происходящее, как и «свобода воли» – не более чем иллюзия. Как биологический организм человек ничем не отличается от других биологических систем, он – робот, действия которого полностью запрограммированы наследственностью (генотипом) и привычками, сложившимися в результате прошлого опыта, «дрессуры», семейного воспитания, влияния окружающей среды. Физиологический механизм поведения также задан причинно: эндокринной системой, особенностями нервной системы и т.д. С естественнонаучной точки зрения человек никогда не может действовать «иначе».

Кстати, именно на учете этого строится аргументация о смягчающих вину обстоятельствах (особенности биографии, состояния нервной системы и других заболеваниях). От ответственности человека может освободить – и даже полностью – болезнь, как причина его полной или частичной невменяемости. Он мог «чистосердечно заблуждаться» и т.п. Защита в суде может опираться на довольно широкий круг аргументации.

Но, если человек наделен свободой воли, то он оказывается вырванным из сети причинно-следственных связей и отношений. И у него нет и не может быть смягчающих обстоятельств. И никакая защита не может избавить его от этой изначальной ответственности. Наделение личности свободой воли не только вырывает человека из сети причинно-следственных отношений, но и противопоставляет его им, поскольку сознательный выбор (возможность, как минимум, двух следствий у одной причины) наделяет человека способностью действовать вопреки миру.

Постулат о вменяемости и, как следствие, получение наказания или поощрения, наделяет человека сверхъестественными качествами. Получается, что правовая культура, вся юриспруденция, как, впрочем, и мораль, покоятся скорее на теологии, чем на науке¹⁶.

Получается, что культура, «другие» грузят нас свободой как ответственностью, вменяют нам вменяемость. Всей системой социализации – воспитанием, образованием, поощрениями и наказанием – нас вырывают из причинно-следственных связей, перекручивая и замыкая их как в ленте Мебиуса на нас самих, превращая нас в *causa sui*.

¹⁶ См. также Кестлер А. Размышления о виселице // Кестлер А., Камю А. Размышления о смертной казни. – М., 2003. – С.106–122.

Справедливости ради стоит отметить точное и важное наблюдение Д.А.Леонтьева¹⁷ о свободе и ответственности как параллелях, которые могут встретиться в процессе развития личности, а могут и не встретиться. И тогда кто-то становится креативной, но безответственной личностью, а кто-то становится конформистом. Тогда получается, что ответственность не всегда и не всех «грузит» свободой. Некоторых она раздавливает. А кто-то просто бежит от свободы¹⁸. Правда, в этом случае мы лишаемся ответа на вопрос о природе и источнике внутреннего Я, которое является подобно *deus ex machina*.

Предлагаемый подход довершает представления об источниках такой роли языка. Вменение ответственности, вырывание фрагментов причинно-следственных связей, их замыкание на индивида, в силу социально-коммуникационной природы самой «технологии», делается на языковой основе и всегда оформлено в каком-то языке! Рефлексия как самоприменение всегда есть самоприменение конкретного языкового кода. Сознание и мышление всегда проявляются в конкретной языковой форме. Поэтому самосознание формируется в процессе освоения языка, развивается по мере развития языковой компетентности личности, совпадающего с ее социализацией.

Рефлексия же лежит в основе мотивации, которая, как известно, – не причина поступка, а его объяснение. Это всегда интерпретация *post factum*, поздняя рационализация, осуществляемая близкими, специалистами (вроде психотерапевта или духовного наставника), самим человеком. И всегда, при некотором интеллектуальном усилии можно найти более глубокую мотивацию. А цепочки вменяющих мотиваций могут возводить ответственность от конкретных желаний до уровня смысла жизни – «зачем живу?». Не будучи причиной поведения, а лишь объясняя мое прошлое, мотивация уже выполняет немалую роль – в том смысле, что объясняющие интерпретации перекручивают ленту Мебиуса и замыкают ее на саму личность. Принимая эти объяснения, я отсекаю для себя другие сценарии поведения, другие жизненные сюжеты.

Формирование, развитие со-знания – это и есть становление вменяемого субъекта, которому вменяется ответственность за его действия и который располагает рациональной мотивацией. Точнее было бы сказать, что он полагает, что располагает этой мотивацией, потому что должен ею располагать.

Другими словами, сначала ответственность, а потом свобода – как усвоение вменения. Когда я считаю, что я причина. С этой точки зрения, М.М.Бахтин глубоко и принципиально прав: у человека нет и не может быть алиби в бытии. Разум и сознание – вторичны по отношению к изначальной ответственности. Они лишь выражают меру осознания своей укорененности в мире. А значит – и меру свободы.

¹⁷ Прозвучало в докладе и дискуссии на 2-й Всероссийской научно-практической конференции по экзистенциальной психологии 30–31 мая 2004 г. в Звенигороде.

¹⁸ В подтверждение этой позиции С.В.Кривцова приводит два аргумента. Во-первых, это выявленные разные тенденции формирования личности у юношей и у девушек. В первом случае личность является результатом социализации и ключевым моментом является подростковый период – собственно момент становления личности, осознающей свободу=ответственность в отношении к норме. Во втором случае личность сознает себя таковой с рождения (а может и до?!), и ее развитие – постоянный путь к себе. Во-вторых, это две тенденции в развитии психологии и философии личности. Первая – отечественная психология, американский бихевиоризм и психоанализ, в которых формирование личности понимается как преодоление инфантильности (принципа удовольствия), социализации (супер-эго). Вторая – выражена в экзистенциальной психологии и психотерапии, в которых внутреннее Я признается изначальным источником и основой душевной силы и мудрости. См. в: *Кривцова С.В.* Некоторые актуальные вопросы создания экзистенциально-аналитической теории развития // Материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции по экзистенциальной психологии. – М., 2004. – С.80–82.

Чем в большей степени личность интеллектуально развита, чем шире горизонт ее знаний, тем в большей степени она осознает возможные последствия своих действий и поступков.

Человеческое измерение бытия (свобода) появляется после приписывания, вменения нам ответственности. Только после такого вменения личность становится чувствительным добытийного начала бытия, каковым является свобода. Тем самым мне становится доступным выход на новый уровень – добытийный и внебытийный уровень свободы, уровень возможностей, уровень потенциации, овозможивания реальности. Только выход в такой «out» или, как говорил М.М.Бахтин, в позицию вненаходимости, обеспечивает возможность конструктивного творчества. Я становлюсь способным, подобно хоббиту Бильбо Бэггинсу, совершить путешествие «туда и обратно». Туда – из мира сущего в трансцендентный мир сверхреального возможного. И обратно – из мира возможного в мир сущего.

Свобода не столько познанная необходимость, сколько осознанная возможность и «преодоленная необходимость» (В.Гроссман). Не истина (знания) определяет свободу, а свобода как ответственность открывает горизонт истины. Сама истина – откровенна, дается в акте откровения свободы, когда открывается какая-то новая гармония. Истина всегда открывается в какой-то новой гармоничной целостности мира. И тогда ученому только остается описать фрагменты этой новой целостности в терминах теории, а художнику – передать ее в красках, рисунке или звуках. Человеческое бытие раскрывается как творчество, а развитие личности, путь к свободе – как принятие на себя все большей ответственности.

Всякая воля – как проявление онтологического импульса «да будет!» суть придание желаемому должному того же онтологического статуса, что и сущему, суть энергия заблуждения, позволяющая, действуя в плоскости «как бы» существующего, создавать нечто новое. Собственно, так и реализуется творчество как потенцирование, овозможивание бытия.

Можно сказать, что вообще всякие реалии человеческого бытия – научные теории, технические системы, мебель, социальные системы – не более чем интерпретации. Не более, но и не менее. Все они суть результат овозможивания реальности человеческим сознанием и личностным смыслом.

Человек обречен на выбор, на самоопределение, на ответственность за позицию и последствия. В силу самой телесности, ограниченности и определенности своего интенционального *Dasein*, человек постигает мир в идеях, которые интегрируются в знания (соответствие реальности), оценки (соответствие ценностному образцу, желаемому должному) и нормы (алгоритму реализуемости)¹⁹. Такой синтез оптимизирует человеческое знание как знание осмысленное и существенное. И эта оптимизация обусловлена именно интенциональностью бытия, его поступочным характером, скрывающим за реальностью мотивацию замысла.

Но такое мировоззрение могло возникнуть и возникло только в результате развертывания христологической доктрины и этики спасения, придавших христианской культуре субъектный характер.

¹⁹ Семантическое содержание идеи, как знания осмысленного и существенного, было рассмотрено ранее. См. в: *Тулчинский Г.Л.* Идеи: источники, динамика и логическое содержание // История идей как методология гуманитарных исследований. – СПб., 2001. – Ч.1: Философский век. Альманах. Вып.17. – С.28–58; О существенном // Мысль. Ежегодник Петербургской Ассоциации философов. – СПб., 1997. – №1. Философия в преддверии XX столетия. – С.114–138; Сущность и существенность. Философско-логический анализ // Логико-философские штудии. – СПб., 2000. – С.31–59; Стереометрическая семантика и логико-семантический синтез истинного, должного и реализуемого // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. – СПб., 1998. – С.371–373.

Субъектный характер христианства дал новое толкование и монотеизма. Выработанная в христианской догматике идея всеобщего субъекта сочетает в себе два ключевых компонента:

- 1) неестественность ведущей установки сознания, определяемой трансцендентными постулатами, выходящими за рамки наличного природного мира, но преобразующей естественный порядок;
- 2) тотальная всеобщность этой установки, распространяемой на всех ее носителей.

Этот всеобщий субъект лежит в основании сущностей, которые не возникают по естественным связям, не имеют в природе образцов, но выражают и обслуживают только «догматически обусловленные ориентации сознания и воли, преследуют прежде всего догматически очерченные цели и обетования»²⁰. Этот субъект – а фактически речь идет о трансцендентальном субъекте, носителем которого является каждый носитель сознания, не определяется ничем внешним или природным, но способен развернуть из себя новый мир и новое знание, основанием которого выступает только он сам. Природа при этом выступает как исключительно пассивный материал преобразующей ее деятельности. Обусловленный общим религиозным посылом разум выдвигал нравственную истину в качестве абсолютной, а природа – сотворенной, а значит – полностью проницаемой для этой истины. Этим оправдывалось и направлялось непрерывное поступательное движение («прогресс») общества к благодатному моральному совершенству. В конечном счете, полагалось построение идеального порядка, в котором каждый индивид и все человечество в целом оказывались бы носителями нравственных ценностей и императивов, а не своей врожденной и естественной животной сущности.

Эта установка, пусть не всегда осознанно, но выступает началом поведения, мышления, научной, художественной, экономической и политической активности ее носителей. К XIX столетию эта, христианская по своим корням культура, подчинила практически всю планету, «просвещая» и «цивилизуя» все прочие народы, создавая искусственный, даже противоестественный мир, который оказался разрушительным для окружающего природного мира. Исчезновение лесов, животных видов, загрязнение воздуха и воды, угроза радиоактивного заражения – только наиболее известные изменения глобальной экосистемы. Предметом преобразующего активизма оказался сам человек, что породило нарастающую реакцию со стороны его естественной природы – аллергии, стрессы и т.п. Причем все эти разрушительные действия и борьба с ними вызывают к жизни еще более разрушительные силы.

Онтофания свободы и асимметричность этики возможного

Человечество, живущее в условиях современной цивилизации, проходит некий водораздел, некую точку перелома метафизики нравственности. До сих пор наука и техника были солидарны с основополагающим тезисом христианской культуры и порожденного ею политического и нравственного мировоззрения: все граждане обладают равным шансом автономно (т.е. свободно и ответственно) реализовывать свою жизнь. И нарастающая свобода выбора только поощряла частную автономию отдельного человека.

Но уже вакцинация, операции на сердце и мозге, трансплантация органов ставили вопрос о пределе, где даже медико-гуманитарные цели не могут оправдывать дальнейшую технологизацию биологической природы человека. И ни одна из

²⁰ Можаровский В.В. Цит. соч. – С.126.

дискуссий не установила этот предел и не остановила развитие этой технологизации. В настоящее время количество переходит в качество.

Проникновение в человеческий геном и манипулирование с ним – это возрастание свободы, не нуждающееся ни в каком ограничении, или этот прирост свободы выходит за некие границы и поэтому нуждается в нормативном ограничении?

Реалии сегодня таковы, что изменяются критерии, в соответствии с которыми мы осознаем и понимаем себя как авторов собственной жизни и равноправных членов морального общества. Так, знание о запрограммированности своего генома может воспрепятствовать самоопределению, согласно которому мы существуем как тело или «являемся» своим телом. Следствием этого устанавливается фундаментальная асимметрия межличностных отношений.

До сих пор цивилизованное человечество – как в сфере науки, так и в сфере религии – исходило из того, что генофонд новорожденного и, следовательно, исходные органические предпосылки его будущей жизни не могли быть предметом целенаправленной манипуляции других людей. Взрослеющая личность уже могла подвергнуть свой жизненный путь критическому пересмотру и перестройке. Но в исходной позиции жизненного старта все одинаково зависимы от организма, телесной целостности, доставшейся нам стихийно и естественно, т.е. – непредсказуемо. В этом плане все человеческие индивиды выступали симметрично бесправными – как в пределах одного поколения, так и в межпоколенном плане. «Все мы – люди, все мы – человеки» и «Бог дал – Бог взял» нашу жизнь.

Возникающая асимметрия обусловлена тем, что ставится под сомнение способность человека рассматривать самого себя как ответственного хозяина истории своей жизни и, одновременно, уважать других как равных себе – хотя бы как представителей того же биологического вида, с одинаковой историей происхождения.

С одной стороны, новые репродуктивные технологии, эвтаназия, генная инженерия, включая использование стволовых клеток и т.п. расширяют личную автономию и свободу. То, что И.Кант считал «царством необходимости», превратилось в «царство свободы».

С другой стороны – свобода явно и жестко ограничивается.

Так, если взрослеющий человек узнает о той дизайнерской процедуре, которой подвергли его генетическую структуру другие люди ради каких-то своих целей, то идентификация себя как искусственного, созданного существа может вытеснить в его сознании представление о себе как естественно вырастающего телесного бытия. Он оказывается не только несвободен в плане собственной инструментализации ради целей других людей (он – только средство для достижения их целей), но и безответственным за свою судьбу, поскольку не он ее определял в существеннейших моментах ее реализации.

Начавшаяся искусственная самотрансформация вида жестко делит человечество на лиц, принимавших решения, и – воплощающих эти решения.

Первые, преимущественно взрослые, могут рассматривать генетический материал потомков как сырье для реализации своих планов. Сами потомки начинают выступать творениями «дизайнеров». На людей переносится отношение к вещам не в плане имущественном, как это было при рабовладении или феодализме, а в плане буквально ремесленно-инженерно-дизайнерском. Но одно дело, когда сам человек занимается какой-нибудь фаллопластикой. И другое дело, когда кто-то когда-то решил, каким ему быть.

Вторые, потомки, попадают в слепую зависимость от необратимых решений другого лица или лиц. И у них не будет возможности выработать необходимую для

существования в рамках поколения сверстников симметрию уравнительной справедливости возможностей²¹, дающую импульс к соревновательности, стремлению к успеху: жизненному, профессиональному и т.д. Правда, в какой-то момент они могут потребовать от своих «авторов» ответ за содеянное, возлагая на них ответственность за нежелательные с их точки зрения последствия проектирования. Уже сейчас родители детей-инвалидов вчиняют иски врачам за последствия ошибочного пренатального диагноза и требуют компенсации за нанесенный ущерб. Но это только цветочки по сравнению с перспективой исков к родителям, пожелавшим видеть своего ребенка не кинозвездой, а танцовщиком, или математиком, а не поэтом. Или еще чище – иска в преступном бездействии!!!

Сама этика возможности превращается в одну из многих альтернатив в рамках отдельных проектов спортсменов или математиков, художников или музыкантов, веселых или грустных и т.п.

Более того, перспектива самотрансформации вида вынуждает выработать представления о норме здоровья, не соблюдение которой – болезнь – требует генного и прочего санкционированного вмешательства. Либерализм вдруг неожиданно оборачивается тоталитаризмом в самом худшем своем обличье – опирающемся на биотехнологию, в конечном счете – евгенику.

Ситуация усугубляется возможностями использовать эмбрионы в качестве расходного материала для производства стволовых клеток, выращивания тканей для трансплантации. Это меняет отношение к человеческой жизни до момента рождения и в целом. Размывается граница между телом (*body, Koerper*) и плотью (*fleish, Leib*), естественным и искусственным.

Различение произведенного и возникшего (выросшего) достаточно важно в жизненной практике. С одной стороны – сугубо технологически рациональная механическая переработка сырья и материала. С другой – бережное обращение с сохраняющими свои границы системами органической природы, их бережное культивирование и селекция. Такое отношение предполагает учет самоуправления и саморазвития этих систем, а значит – внимание, определенное сочувствие и даже – уважение. Такое «сочувствующее понимание», эмпатия к объекту воздействия ставит некий порог в практическом обращении с органическими системами в отличие от простого технического манипулирования. Такая ситуация свойственна крестьянскому труду, труду врача, воспитателя.

Биотехнологическое вмешательство вспарывает эту эмпатию, это сочувствие, подменяя клиническую заботу о пациенте воздействием в духе технологического манипулирования. Ситуация доходит до технологического отношения к собственному телу и организму. Круг замкнулся: технически освоенная и покоренная природа вновь включила в себя человека, до этого противостоявшего ей.

В генной инженерии возникает серьезная моральная и даже правовая проблема защиты целостности генных структур, в отношении которых недопустимы никакие манипуляции, т.е. проблема неподвластности чужому влиянию биологических основ личности, ее биологической, телесной идентичности. Юридически проблема может звучать как «право на генетическое наследство, не подвергшееся искусственному вмешательству»²². Ю.Хабермас, пожалуй, наиболее высоко поднял планку обсуждения этой проблемы в европейском общественном мнении. Поэтому имеет смысл остановиться на его анализе и аргументации.

²¹ Об уравнительной и распределительной справедливости см. в: *Тулчинский Г.Л.* Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы (Российские исследования в гуманитарных науках. Т.16). – The Edwin Mellen Press. Lewiston-Queenston-Lampeter, 2001.

²² *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? – М., 2002. – С.38.

Поляризация общественного мнения началась еще в связи с бурными дискуссиями об аборте. Тогда сформировались два основных лагеря: сторонников движения *Pro Life* и сторонников движения *Pro Choice*. Согласно первым человеческая жизнь обладает несомненными правами личности, человеческим достоинством и абсолютной автономностью с момента зачатия, а значит вмешательство в эту жизнь других лиц (вплоть до искусственного прерывания беременности) – недопустимо. Согласно другим, отстаивается приоритет выбора родителей, прежде всего – матери, в вопросах, связанных с зачатием и рождением ребенка.

Однако такой план дискуссии – вчерашний день. Осмысление последствий генной инженерии раскололо лагерь либералов, традиционно отстаивавших право женщины на аборт. Наиболее последовательные продолжают отдавать преимущество праву женщины на самоопределение. Но в либеральном лагере появились и «бóльшие католики, чем сам Папа», отдающие приоритет праву на защиту жизни эмбрионам²³, находящимся на начальных стадиях развития.

Дискуссии об искусственном прерывании беременности, продолжавшиеся не одно десятилетие, все-таки, кое-чему научили. Они убедительно показали, что в этом конфликте найти мировоззренчески нейтральное, лишненное каких бы то ни было предубеждений (т.е. приемлемое всеми гражданами секулярного общества) решение проблемы морального статуса человеческой жизни на самых ранних этапах ее развития – практически невозможно. Что и было признано одним из столпов современного либерализма²⁴.

На первый взгляд, возникает альтернатива.

Либо культуральный релятивизм, когда универсального решения нет и быть не может. Действительно, к одинаковым фактам – массовым преступлениям своего прошлого режима, атомной энергетике, и т.д. – в каждой культуре относятся по-разному. Свою роль играют исторические традиции, религиозные установки и т.п. Поэтому и новые этические проблемы, очевидно, должны решаться по-своему.

Либо остается впасть в «биологический фундаментализм» и конституционно, а то и на уровне межнациональном твердить тезис, согласно которому эмбрион изначально обладает человеческим достоинством, т.е. правами личности и имеет абсолютное право на защиту своей собственной (уже и изначально – собственной) жизни.

Ценность анализа Ю.Хабермаса состоит в том, что он вскрывает несостоятельность этой альтернативы. По его мнению, ситуация обращения с доличностной человеческой жизнью поднимает вопросы совершенного иного масштаба и калибра. Речь уже идет не о различиях среди множества форм культурной жизни, а о самоописаниях, «на основе которых мы идентифицируем себя в качестве людей и отличаем себя от других живых существ... осуществляющиеся и вызывающие опасения тенденции развития генной технологии подрывают образ, созданный нами о самих себе как о культурном видовом существе по имени «человек» и которому у нас, кажется, нет никакой альтернативы»²⁵.

Традиционные системы морали, как и мировые религии, полагает Ю.Хабермас, так или иначе, но артикулируют антропологическое самосознание и самопонимание.

²³ Стоит напомнить, что под эмбрионом в современной медицине понимается плод на стадии от оплодотворения яйцеклетки до начала развития отдельных органов, т.е. до восьмой недели беременности. С 9-й по 38 неделю длится период внутриутробного развития.

²⁴ *Dworkin R. Life's Dominion.* – N.Y., 1994.

²⁵ *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. – С.52. В квалификации возникающих в этой связи чувств Ю.Хабермас проводит параллель с безразличностью, вызываемой видом продуктов химерического травмирования видовых границ, различных мутантов и уродов.

Оно же служит, таким образом, и основой морали, включая и мораль автономной личности. Технизация же человеческой природы меняет самосознание таким образом, что генетически запрограммированная личность лишается возможности понимать себя как этически свободное, а значит, – и ответственное существо, которое могло бы относиться к представителям предшествующих поколений без каких-либо ограничений в качестве равных ему по происхождению личностей.

Думается, что, при всей глубине и остроте обсуждения, вектор дискуссии, заданный Ю.Хабермасом, ведет в тупик неразрешимости проблемы. Счастливо избежав ложную альтернативу культурального релятивизма и либерального фундаментализма, он впал в другую.

Причина этого – ограничение горизонта рассмотрения проблемы. Ю.Хабермас остался в рамках рационалистического активизма, рассматривающего действительность в модусах реальности и долженствующего преобразования этой реальности. Между тем, с последней четверти прошлого века акцент сменился на модальность возможного.

При генно-терапевтическом вмешательстве врач относится к эмбриону не как к таковому (кто он есть), а как ко второму лицу, которым эмбрион когда-нибудь станет. Этот «другой» может в будущем одобрить или осудить проведенное вмешательство. Но актуально его отношение реализовано быть не может. Получается, что врач действует в контр-фактической модальности «как бы». И Ю.Хабермас считает, что такая позиция может иметь только частичное оправдание – в случае терапевтического вмешательства в эмбрион, поскольку имеется хотя бы какая-то вероятность одобрения выросшим индивидом этого вмешательства. В случае же использования эмбриона для выработки препаратов, преимплантационной диагностики, просто в целях исследований – актуализация отношения в будущем не реальна даже гипотетически²⁶.

Но в случае эмбриона мы не имеем дело с личностью. Да, собственная свобода переживается лишь в связи с чем-то, что по своей природе не может быть подчинено – даже не взирая на конечность существования личности. Но ведь речь-то идет именно о личности. А ею еще необходимо стать.

Как можно сводить допустимую несвободу только к вмешательству природы и Бога, но ставить под сомнение вмешательство других людей²⁷? Или они противостоят природе и Богу?

Почему-то в контексте столь проблемной асимметрии не воспринимаются наследственность и собственность. Между тем, их асимметричность не менее очевидна.

Каждое поколение является в жизнь, как в детскую игру – «на новенького», когда роли уже были распределены, и у предыдущих поколений, которые пришли в жизнь раньше (и не следует забывать – уйдут раньше) есть свои преимущественные права.

Все-таки, не стоит забывать о простых истинах, о которых говорилось в начале данной работы. В биологическом плане человек рождается «недоделанным» и на протяжении всей своей жизни остается зависимым от помощи, внимания, признания со стороны своего социального окружения. Он становится полноценным человеком – личностью – ТОЛЬКО в результате социализации и на ее основе. В момент рождения младенца разрушается его биологический симбиоз с матерью, и он вступает в мир личностей, мир общения и духовного взаимооплотнения ими. Находящееся в материнской утробе или *in vitro* генетически индивидуализированное существо –

²⁶ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. – С.56, а также с.84.

²⁷ Там же. – С.71.

как причастный некоему размножающемуся сообществу экземпляр – никоим образом не является «уже личностью». Лишь в процессе включенности в социальную коммуникацию и деятельность природное существо оформляется в человека как наделенную разумом личность²⁸.

В этом плане, действительно, особую роль играют родители, которые принимали решения о создании семьи, рождении ребенка, его об этом не спрашивая. Это было ИХ решение. Родители зачинают своих детей, а не дети – родителей. Слава Богу, что никто не оспаривает пока этот факт необратимой генеалогической зависимости.

И если родители, выбирая для ребенка за него питание, одежду, игрушки, школу, лечение – вмешиваются в его жизнь, то почему менее легитимным должно быть инициированное ими генетическое вмешательство с целью улучшения природных задатков своего потомства? Или почему это менее оправдано, чем настаивание родителей на посещениях ребенком, вопреки его желаниям, музыкальной школы или спортивной секции?

Если быть последовательными, то под сомнение должна быть поставлена любая попытка взять на себя ответственность за распределение естественных ресурсов в семье или стране – поскольку какая-то другая личность однажды разовьет свои интересы с учетом этих ресурсов.

Воздействие на человеческий геном ничем существенно не отличается от воздействия на окружающую среду растущей личности. Просто собственная генетическая природа этой личности рассматривается как ее «внутренняя» окружающая среда. И это будет восприниматься драматически, если не учитывать, что Я – не есть тело, а есть точка сборки свободы. Тело же, подобно социальной среде, может меняться, как об этом уже подробно говорилось выше. И если раньше родители программировали личность как социальное существо, то теперь они (да и она сама с возрастом) могут проектировать ее как существо психо-соматическое. И это их право! Как родителей – биологических и социальных, плетущих ткань биологической и социальной жизни²⁹.

Возможные же претензии к ним в будущем за «не то решение» аналогичны претензиям, что они «не те», «не того гражданства», «не с тем уровнем дохода» и т.д.

С точки зрения поппибилистской (контрфактической) генетическое вмешательство оправдано, если оно создает больше возможностей для будущего субъекта, дает ему дополнительный шанс. Не имеет оправдания невмешательство, поскольку оно сужает поле возможностей, лишает шансов на здоровье, самореализацию. И вряд ли личность ретроспективно будет критически судить и отказываться от увеличения своих природных ресурсов, от большего объема данных ей генетических возможностей³⁰. Как она воспользуется этими возможностями – факт ее личной биографии. Родителям не дано знать – пойдет ли это во благо или во вред в той же степени, как им не дано знать – как воспользуется их потомок тем образованием, которое они смогли ему дать, или тем наследством, которое ему достанется.

Поэтому повисает в воздухе пафос мысли Ю.Хабермаса, согласно которому, «в рамках демократически конституированного плюралистического общества, в котором каждому гражданину на основании автономного образа жизни полагаются

²⁸ Думается, что – вне зависимости от пола и вопреки упоминавшемуся мнению Д.А.Леонтьева и С.В.Кривцовой.

²⁹ Если уж на то пошло, то большего внимания заслуживает проблема собственности на генетические материалы и обеспечения доступности подобных услуг.

³⁰ См. также *Birnbacher D. Habermas' ehrgeiziges Beweisziel – erreicht oder verfehlt // Deutsche Zeitschrift fuer Philosophie. – Bd.50, No.1.*

равные права, практика улучшающей евгеники не может быть легитимирована, потому что селекция желательных предрасположенностей априори не свободна от заранее принимаемого решения относительно определенных жизненных планов»³¹.

Не менее пафосно современное «потрясение основ» выразил в свое время Г.Йонас, связав его с приходом власти «ныне живущих над представителями грядущих поколений, превращающихся в незащищенные объекты предусмотрительных решений людей, составляющих теперь планы будущей жизни. Ядро нынешней власти – это более позднее рабство живых, оказавшихся в зависимости от мертвых»³². Так и хочется спросить: а что, раньше было как-то иначе? Разве мы, социальные существа, кем-то воспитанные и носители определенной культуры – не найдемся в вечной «зависимости от мертвых»? И при чем здесь рабство?

Показательно, что в пылу острой полемики Ю.Хабермас только в одной фразе дважды передергивает И.Канта, утверждая, что «целевая формула» категорического императива содержит требование рассматривать каждую личность «всегда как цель в самой себе» и никогда не использовать ее «просто как средство»³³. Более того, на следующей странице Ю.Хабермас вновь приводит уже развернутую «закавыченную» цитату из Канта, правда без указания источника цитирования. Думается, что неспроста.

Дело в том, что данная «формула» относится не к категорическому императиву, а к императиву практическому. В категорическом императиве утверждается: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». А это существенно иная мысль. Фактически, речь идет о максиме, позволяющей отличать мораль от других форм сознания.

Идея же относиться к другим не только как к средству («поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»³⁴) выражена в императиве практическом, выражающем понимание И.Кантом практической морали. И.Кант говорит именно об отношении к другим «НЕ ТОЛЬКО как к средству». Он отнюдь не требовал поступать так, «чтобы человечество, заключенное как в твоей личности, так и в личности всякого другого человека, ты использовал всегда как цель, но никогда просто как средство», как приписывает ему Ю.Хабермас³⁵, превращая И.Канта в либерального фундаменталиста. И.Кант был спокойнее и мудрее. Житейски его мораль может быть выражена в формуле «Живи сам и давай жить другим».

Излишний максимализм, если не утопизм проглядывает и из хабермасовского утверждения, что «у генетически запрограммированной личности... отсутствует ментальное условие, наличие которого необходимо во всей полноте, если личность должна ретроспективно возложить ответственность за свою жизнь *только на саму себя*»³⁶.

Сторонники ограничений и запретов на манипуляции с эмбрионами и технологизацию человеческого организма напоминают кашп из повести Акутагавы Рюноске

³¹ *Birnbacher D.* Habermas' ehrgeiziges Beweisziel – erreicht oder verfehlt // Deutsche Zeitschrift fuer Philosophie. – Bd.50, No.1. – С.80. В этой связи, Ю.Хабермас предложил различать закрепленную в конституциях большинства европейских стран неприкосновенность человеческого достоинства и человеческой жизни (Там же. – С.91).

am Mein, 1985. – S.168.

.68.

. – С.260, 270.

.69.

«В стране водяных». В этом фантастическом памфлете, когда каппе-матери приходит пора рожать, каппа-отец прикидывается к ее лону и дает интервью еще не родившейся каппе. А потенциальный младенец подробно выспрашивает у потенциального отца о доходах, условиях жизни и т.д. И если его все устраивает, каппа рождается. Если – нет, то роды отменяются и живот у матери сдувается. Но люди-то – не капшпы. Нас никто не спрашивал, не спрашивает и пока не ясно в принципе – как спрашивать даже сторонникам такого вопрошания.

Жизнь – цепочка необратимостей. Она в принципе несимметрична. И этика, нравственная культура отношений старшего и младшего поколений не может быть симметричной и обратимой в принципе. Это хорошо понимают конфуцианцы. Это хорошо понимают дети в своих играх. Это хорошо понимают либералы, если только это касается вопросов собственности. Но в биоэтике они же доводят ситуацию до гротеска в духе страны водяных Акутагавы. И в этом они парадоксальным образом смыкаются с религиозным фундаментализмом. Доходит до ссылок на учение о карме. Причем, как обычно, без понимания сути дела. Ведь кармичность настолько наделяет личность ответственной за череду воплощений, что либеральные дискуссии об асимметричной этике выглядят просто комично.

Однако запреты на «инструментализацию эмбриона в чужих интересах», ограничения на вмешательство в геном на основе необходимости «защиты человеческих эмбрионов, ...кто не может защитить себя и даже не может самостоятельно аргументировать необходимость такой защиты»³⁷ – уже не комичны. Они лишают шансов родителей, а вместе с ними – и их детей.

Думается, что одной из причин этого является своеобразный сложившийся в современной цивилизации культ молодости и детства. Это смещение акцентов и приоритетов выражается не только в моде и маркетинговой политике, направленной на *generation next*, но в декларируемом праве молодого поколения на приоритетные права. Отсюда уже, действительно, один шаг до приоритетности права еще не родившихся. Герой известного сериала «Семнадцать мгновений весны» – легендарный и фольклорный Штирлиц, как известно, из всех людей любил только стариков и детей. Современные ультра-либералы идут еще дальше: из всех людей они любят еще не родившихся и уже умерших.

В этой связи более ответственным и перспективным, заслуживающим большего внимания, чем либеральные дискуссии по биоэтике, выглядит предложение некоторых российских политиков и социологов (А.В.Баранов, Л.С.Семашко) о внесении в Конституцию и избирательный закон поправки, увеличивающей число голосов у граждан, имеющих несовершеннолетних детей на число, соответствующее количеству детей. Тем самым могут быть учтены интересы как детей, так и их родителей. В этом случае дети виртуально получают возможность влиять на свое прошлое – не в дискуссиях дядей и тетей, которым любить ближнего тем легче, чем он дальше, а в решениях их родителей.

Правда, сам же Ю.Хабермас, походя, роняет слова, которые стоит привести полностью. «Почему бы человеку, пожав плечами и сказав самому себе «Ну и что?», просто не свыкнуться с тем фактом, что его создали другие люди? После всех нарциссических недугов, вызванных произведенным Коперником и Дарвином разрушением нашего геоцентрического и антропоцентрического представления о мире, третья децентрировка нашего образа мира – подчинение нашей плоти и жизни биомеханике – мы, возможно, переживем гораздо более спокойно»³⁸.

³⁷ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. – С.114.

³⁸ Там же. – С.67.

Фактически за этими мудрыми словами – признание отмеченного нами ранее сдвига гуманитарной парадигмы в сторону постчеловечности и постчеловеческой персонологии. Дело не столько в биотехнологии, сколько в отрыве самосознания личности от ее телесной природы и вторичности последней от этого самосознания.

Нравственная глобализация или конфликт метафизик?

Человеческая мысль выработала три ответа на вопрос об источнике морали и права:

(I) Их природа Божественна.

(II) Они коренятся в человеческой природе.

(III) Они являются порождением конкретных культур, т.е. являются результатом нормативно-ценностных конвенций.

Первая точка зрения оказывается все более трудно совместима с реалиями цивилизации. Третья ведет к полному нравственному релятивизму. Остается вторая. Но и она в постчеловеческой ситуации утрачивает справедливость, поскольку сами люди утрачивают универсальную общность своей природы:

- Они лишены общности происхождения, так как могут появляться на свет в результате коитального зачатия, *in vitro* (в том числе – по заказу), в результате клонирования.

- Они лишены естественного характера – в результате успехов фармакологии можно существенно, если не радикально менять характер личности.

- Они лишены общности телесности (смена пола, трансплантации, косметическая хирургия).

- Они лишены универсальной ситуации смерти или продолжения жизни: генная инженерия и современная медицина радикально стратифицируют человечество.

В современном мире существует целый спектр нравственных установок по отношению к проблемам генной инженерии и прочих биотехнологий. В принципе, можно обозначить две крайние позиции в качестве своеобразных «полюсов», между которыми размещаются все прочие.

Наиболее жесткую этическую и правовую позицию занимает ФРГ и большинство других стран континентальной части Западной Европы. Западная Европа, *Abendlandes*, является колыбелью современной цивилизации, выросшей в лоне катафатической ветви христианства. Западная Европа является также родиной наиболее сильных организованных экологических движений, а в некоторых странах, особенно в Германии («зеленые»), они давно уже входят в политический истеблишмент. И осторожность, даже враждебность по отношению к биотехнологиям является одним из программных принципов.

Другой конец спектра составляют многочисленные азиатские страны. Эти общества, в силу религиозных, культурных, а значит и исторических обстоятельств куда менее озабочены этической стороной биотехнологий. Такие великие религии Азии, как конфуцианство и буддизм не знают идеи трансцендентного Бога. В конфуцианстве речь идет о почитании культа и заветов предков, а в буддизме каждый может стать Буддой, т.е. просветленным. И та, и другая религия, по типологии В.В.Можаровского, бессубъектны. Столь же бессубъектны даосизм, синто и бон, которые наделяют духовными качествами животных и предметы, неодушевленные для европейца. Буддизм объединяет людей и создания природы в единый космос без качественных границ. Все эти традиции не проводят резких этических различий между людьми и прочим миром. Столь же бессубъектен и индуизм, в котором человеческая жизнь может цениться меньше жизни животного. А если сюда добавить

еще и монотеистический, но также бессубъектный ислам, то становятся ясными масштабы «нравственного вызова» европейской цивилизации³⁹. Этим культурам свойственно намного большее сочувствие животным и растениям и существенно меньшая значимость человеческой жизни. Во многих регионах Азии широко распространены аборт и даже инфантицид, особенно по отношению к младенцам женского пола (Китай). Правительство КНР проводило официальную политику ограничения рождаемости, а в 1995 г. приняло евгенические законы. В том же Китае официально разрешено изъятие органов у казнимых заключенных и использование их тел для самых различных целей, включая «художественные»⁴⁰.

Промежуточную позицию между Европой и Азией занимают англоязычные страны, Латинская Америка, страны Восточной Европы. США и Великобритания, в силу либеральных традиций, всегда скептически относились к государственному регулированию, в том числе – науки. Но и Американское общество начинает раскалывать сторонников консервативного подхода и ограничений биотехнологий, вплоть до запретов на аборт. А Соединенное Королевство, пережившее шок от потерь в связи с «коровьим бешенством» (бычьей губчатой энцефалопатии), оказалось родиной самого мощного протеста против ГМО и биотехнологий в сельском хозяйстве.

Таким образом, мир все более поляризуется. Огромный азиатский регион, переживающий бурный экономический рост, не испытывает никаких правовых и нравственных ограничений на определенные технологии. Некоторые из этих стран (Япония, Китай, Южная Корея, Индия, Сингапур) обладают необходимой научной и технической инфраструктурой. Кроме того, у них имеются мощные экономические стимулы завоевать свою долю рынка биотехнологии. Ужесточение европейского и американского законодательства по ограничению биотехнологий уже активизировало отток соответствующих научных, технических и финансовых ресурсов в азиатский регион. Поэтому в будущем биотехнология может стать важной линией раздела в международной политике⁴¹.

В нынешнем мире противостояние господствующему миропорядку со стороны бессубъектных культур выглядит как «геополитический вызов цивилизации». Хотя последствия этого процесса трудно установить и оценить заранее, общие направления намечившихся глобальных изменений можно проследить в общих чертах, исходя из нормативно-ценностных установок соответствующих культур.

По мере того, как численность носителей бессубъектных культур, а значит и население соответствующих государств, стремительно возрастает, тогда как население субъектно-ориентированных общностей сокращается, эта проблема приобретает настолько рельефную форму, что уже проглядывает возможное расслоение человечества по религиозно-ментальному принципу. Перед таким расслоением, перспектива которого, похоже, будет определять политическую ситуацию ближайших десятилетий, описанный С.Хантингтоном «конфликт культур» будет выглядеть спором модниц о своих нарядах на представительном приеме.

³⁹ Наверное, к этой же альтернативе можно отнести и африканский регион, север которого составляют страны ислама, а «черная Африка» является христианской и исламской достаточно поверхностно и условно. Языческие культуры чрезвычайно распространены в странах экваториальной Африки.

⁴⁰ Для «пластинатов» немецкого «скульптора» Г. фон Хагеса использовались тела казненных граждан КНР.

⁴¹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М.: АСТ, 2004. – С.270–273.

ПАВЕЛ ТРОФИМОВИЧ ТЮРИН

Родился в 1944 г. Живет в Риге.
Сфера научных интересов – психодиагностика, социальная психология и психология творчества.

Доктор психологии.

Профессор Балтийского Русского института.

Действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук.

Действительный член Международной Академии гуманизации образования (Германия, Магдебург).

Член редакционной коллегии научно-практического журнала «Психопедагогика в правоохранительных органах».

Начальник Психологической службы Государственной полиции МВД Латвийской Республики.

Автор трех монографий: Интерпретации визуальных ситуаций (1986), Социально-психологическая компетентность руководителя (1989), Введение в психологию дизайнерского творчества (2001) и около 70 научных публикаций.

Автор нескольких психодиагностических методик.

E-mail: pavels.tjurins@e-teliamtc.lv

ИНЦЕСТ КАК ДЕФЕКТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПОИСКА ЛИЧНОСТИ

Что такое счастье?

Мы должны жениться на себе.

Рудольф Нуриев

Проблема сексуального использования детей в семье в последнее время становится все более актуальной. Во многом это объясняется распространением либерального взгляда на нестандартные сексуальные ориентации в целом. Несмотря на противоправный характер кровосмешения, в США получили широкую известность биопсихологические доктрины, утверждающие, что инцест не причиняет ощутимого вреда обществу и отдельной личности и преследуется лишь в силу этических соображений; что бороться с ним бесполезно. Наказание за совершение кровосмешения может причинить лицам, участвующим в нем, больше вреда, чем сами подобные связи; воздержание от вступления в инцестные отношения может оказать отрицательное воздействие на взаимоотношения внутри семьи и т.п. [21, с.147–158]. Активисты либерального отношения к педофилии вообще полагают, что «педофилия составляет почти нормальный компонент сексуального импульса», что «мы педофобы, потому что конституционно педофилы»; что необходимо признать права ребенка на сексуальное удовлетворение и пересмотреть возрастную границу, когда ему позволяется самостоятельно вступать в сексуальные связи, понизив её вплоть до 10 лет (поскольку предполагается, что у ребенка до 4-х лет умственные мощности недостаточны для принятия самостоятельного решения; но и в возрасте с 4-х до 10 лет не следует игнорировать сексуальные желания ребенка, однако их следует согласовать с мнением его родителей на этот счет); что закон не должен вмешиваться, если ребенок «находит взрослого приятным» и его желание вступить в сексуальный контакт с ним добровольно; что проблема педофилии не в сексе, а в насилии над ребенком, и т.п. [23, с.237–244]. Утверждается, что в инцесте есть определенные плюсы – в нем нет враждебности, обычно он краткосрочен и потому может служить мостиком, мягким переходом к сексуальным отношениям с «чужими» и т.д.

Хотя отношение к близкородственным сексуальным связям в различных культурах носит преимущественно запретительный характер, для некоторых персонажей инцестного поведения (в основном мифологических) допускаются исключения в виде оправдания нарушения запрета или попросту его игнорирование. Несмотря на общую недопустимость инцеста, заметно стремление избежать категоричности запрета на проявление сексуального внимания к «своим вообще», не настаивать на «сексуальном изгнании» из семьи. Опасение чрезмерности требований экзогамности может быть косвенно связано с тем, что жена, происходящая из чужого рода или общины, всегда в той или иной степени остается чужим человеком, носителем некоей угрозы и сомнительной верности [8, с.93].

С другой стороны, неустрашимость кровосмесительной связи из человеческой истории побуждает вновь и вновь обращаться к исследованию причин, к нему подталкивающих. Необходимо попытаться *увидеть человека не в слабости, а в силе соблазнов и оправданий, ведущих его к инцесту*, тем более, что психолог «должен обладать пластической способностью перемещать себя в другую, странную и даже чуждую перспективу мира... Только так он может достичь понимания *экзистенциальной позиции* пациента» (Р.Лэйнг) [10, с.176]. Кроме того, как отмечает Е.Бронгерсма, масса публикаций по данной проблеме указывает на их причастность